

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

В. В. Знаков

ПОСТИЖЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ¹

В статье проанализирован новый для психологической науки феномен постижения. Постижение является психическим процессом схватывания целого. Важную роль в нем играют самопонимание, интуитивное чувствование и созерцание. Показано, что постижение реализуется только в сложных для познающего субъекта ситуациях, которые характеризуются высокой степенью неопределенности. Такие экзистенциальные ситуации не могут быть описаны в категориях верифицируемого научного знания — они представлены только в экзистенциальном опыте человека. Библиогр. 31 назв.

Ключевые слова: постижение, экзистенциальные ситуации, самопонимание, интуитивное чувствование, созерцание.

V. V. Znakov

COMPREHENSION AS A PROBLEM OF PSYCHOLOGY OF HUMAN BEING

In article the subconscious comprehension, intuitive understanding phenomenon, new to psychological science, is analysed. It is proved that comprehension is realized only in situations, difficult for the learning subject, which are characterized by a high degree of uncertainty. Such existential situations can't be described in categories of verified scientific knowledge. They are presented only in existential experience of the person. Comprehension is mental process of grasping the whole. The significant role in it is played by self-understanding, an intuitive feeling and contemplation. Refs 31.

Keywords: subconscious comprehension, intuitive understanding, existential situations, self-understanding, intuitive feeling and contemplation.

В наше время в социогуманитарном познании интенсивно развивается экзистенциальный подход. Он возник как ответ на кризисные социальные и психологические проблемы современного общества. В основании этого подхода лежит

Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13; znakov50@yandex.ru

Znakov Viktor Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Principal Research Associate, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13, st. Yaroslavskaya, Moscow, 129366, Russian Federation; znakov50@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10823а.

констатация того, что «развитие современной цивилизации — в определенном смысле — обостряет фундаментальные проблемы человеческого существования. Фактическим предметом экзистенциальной психологии становится изучение взаимоотношений человека с миром его жизни, а ее центральная проблема часто формулируется как смысл жизни, факторы утраты смысла, а также условия и механизмы его восстановления» [1, с. 17]. Сегодня экзистенциальные вопросы человеческого существования воспринимаются учеными как вызов, вследствие чего в фокусе внимания экзистенциально ориентированных психологов оказываются экзистенциальные проблемы человека. Они универсальны, имеют фундаментальный характер, ставят перед человеком задачу выбора, однако не могут рассматриваться как дихотомические дизъюнктивные дилеммы [2].

В рамках экзистенциального подхода предметом исследования является человеческое бытие. Специфика собственно психологического исследования бытия заключается в его понимании и описании через психологию человека как субъекта бытия. Неудивительно, что экзистенциальная психология тесно связана с психологией человеческого бытия. В настоящее время теоретические и эмпирические основания психологии человеческого бытия уже основательно исследованы. Описаны пять компонентов структуры этой области психологической науки и ее основные методы — парадигматический, нарративный и тезаурусный способы понимания событий и ситуаций. Выявлена важная роль экзистенциального опыта субъекта, описаны его структура и метасистемная организация. Изучены особенности понимания субъектом критических событий человеческого бытия [3]. Обосновано, что одним из главных феноменов психологии человеческого бытия является понимание [4].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы с позиций психологии человеческого бытия проанализировать содержание нового для российской психологии феномена — постижения.

Феномен постижения, если рассматривать его не в религиозном, а в научном значении, так же объективен, как достоверное знание. На это указывает М. Полани. Он пишет: «Постигание не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно — ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле объективно, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей» [5, с. 19].

В основе экзистенциального взгляда на постижение лежит неоднократно высказывавшаяся мысль о трудности постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Неудивительно, что неосознаваемость истины скрывает от познающего субъекта свернутое, неявно выраженное знание о ней. Принципиальная невозможность полного осознания познаваемого мира и себя в мире хорошо известна не только психологам. Как свидетельствует история науки, она проявлялась, например, в «ученом незнании», характеризовавшем гениев (вспомним Ньютона, который сравнивал себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана

познания). Вследствие этого решения, принимаемые людьми в трудных жизненных ситуациях (переезд в другую страну, согласие на операцию при тяжелом онкологическом заболевании и т. п.), основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном непонятном постижении.

Понятие «постижение», с одной стороны, по объему и содержанию является более широким, чем категории «познание» и «интерпретация», а с другой — значительно более размытым, трудно уловимым, ускользающим от вербального объяснения. Основная причина этого в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, сопротивляющейся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронизуемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания.

Человек может понимать или не понимать и сложные, и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен, как, к примеру, самообман, то следует говорить о таком его понимании, в основе которого лежит постижение. По этой причине И. А. Бескова, доказывая ограниченную применимость компьютерных метафор для понимания природы естественного интеллекта, обсуждает феномен интегрального постижения. Она говорит о существовании единого целостного пространства человеческой экзистенции, реализующегося в каждом познающем субъекте. По отношению к такому пространству применима метафора «жизнь как познание». Она пишет: «На мой взгляд, специфика достигаемого в познавательном акте результата (имеется в виду глубина проникновения в существо воспринимаемого) напрямую зависит от того, осуществлялось ли взаимодействие с объектом интереса на интегрально-телесном или “умственном” уровне. Иными словами, от того, какой уровень взаимодействия с привлекавшей внимание человека ситуацией был достигнут: состоялось ли понимание, так сказать, всем существом человека или же это было осмысление “на уровне головы”? Первое я назову *интегральным постижением*, второе — *рассудочным пониманием*» [6, с. 175]. В творческих процессах, требующих от субъекта проявления интуиции, озарения и т. п., в понимании и осмыслении предмета участвуют не только познавательные процессы, но и, по сути, всё существо человека. Подлинное творчество характеризуется готовностью и способностью субъекта снять разграничительные барьеры между ним и объектом постижения, как бы стать объектом, убрать границы, разделяющие человека и мир. «И поскольку в акте интегрального постижения происходит снятие барьера инаковости по отношению к воспринимаемому, состояние человека может оказаться весьма дисгармоничным, а в какие-то моменты (например, до достижения озарения) и труднопереносимым» [6, с. 178].

Заметное место в современных философских исследованиях занимает традиция постижения бытия человека как особого рода онтологического измерения, которое обнаруживает, вскрывает недостаточность, ограниченность использования рациональных методов познания. В рамках этой традиции подчеркивается, что такие методы элиминируют онтологическую специфику индивидуального уровня проявления антропологической системы бытийствования. На теоретическом уровне данный подход обращает философов к исследованию проблемы постижения онтологической многомерности человеческого бытия [7]. Проблема целостного

достижения человека анализируется также сквозь призму системно-синергетического подхода, позволяющего исследовать общие законы саморазвития сложно организованных систем и открывающего возможность конституирования антропологического измерения в его бытийной целостности на основе одной объяснительной парадигмы [8].

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается в качестве такой системы, в которой отдельные типы сознания и знания анализируются как формы развивающейся духовной культуры. Согласно С. А. Хмелевской и Н. И. Яблоковой, «постижение бытия осуществляется в определенных устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют *постижение-систему*» [9, с. 74]. В социокультурном контексте постижение — это «культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» [9, с. 74].

В психологии постижение рассматривается в более узком значении. Психологи фокусируют внимание в основном на двух сторонах постижения. Одна плоскость анализа — это соотношение осознаваемого и неосознаваемого, причем именно бессознательные компоненты определяют успешность или неудачу в понимании-постижении субъектом событий и ситуаций человеческого бытия. Другой план исследования — сознательный отказ психолога от оценки истинности или ложности знаний о событиях и ситуациях, используемых понимающим субъектом в процессах постижения. Главное как для субъекта, так и для психолога заключается в определении ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда не безразлично нам, имеет определенную субъективную ценность.

Итак, в психологии постижение трактуется уже, чем в социогуманитарных науках. Кратко опишу ключевые признаки психологического феномена постижения.

Во-первых, постижение представляет собой такое понимание, которое направлено не на простое, а на сложное — явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. В современном дискурсе «употребление прилагательного “постижимый” возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» [10, с. 259–260]. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

В научном диалоге, особенно в гуманитарном познании, потребность в постижении нередко обусловлена отсутствием общепринятых понятий, вследствие чего дискутирующие друг с другом ученые описывают одни и те же феномены и явления разными терминами. Неудивительно, что это затрудняет отчетливое понимание точки зрения собеседника. Приведу типичный пример из одного из самых серьезных и уважаемых в российском психологическом сообществе журналов: «Вероятно, мне не дано постигнуть тонкости терминологической эквилибристики,

когда выстраиваются разные модели (“внешняя” и “внутренняя”), использующие одинаковые термины, которые оказываются наделены различным содержанием» [11, с. 84]. В этом случае предмет обсуждения обладает скрытым, неявным содержанием, которое при включении в личностное знание субъектов общения может порождать неисчерпаемое множество смыслов анализируемой в диалоге проблемы. Такие смыслы недоступны для рационального познания — их можно только постигать. Однако в научной литературе есть и противоположные примеры, указывающие на достаточность для уяснения сути научной позиции партнера понимания-знания или понимания-интерпретации [12] предмета обсуждения, из чего следует избыточность и ненужность его понимания-постижения: «Прекрасная статья Л. А. Марковой порождает так много вопросов, что в качестве комментария к ней можно было бы написать текст раза в три больше, чем ее собственный. К счастью, Маркова обладает способностью очень ясного изложения своих идей и рассуждений. Поэтому с ней приятно спорить — не нужно тратить сил на извлечение мысли из путаницы слов и можно прямо противопоставлять ее утверждениям свои критические замечания» [13, с. 56].

Во-вторых, постижение — это *схватывание* целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не может знать обо всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, мэр мегаполиса — о состоянии всех коммуникаций в городе, работники спецслужб — о всех готовящихся терактах. Постигание необходимо тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. И если это схватывание, основанное на понимании — объединении целого из частей, то оно должно отражать превалирование в мышлении понимающего субъекта холистичности над аналитичностью [14]. Постигание направлено на преодоление схематичности знания проблемы, устремленность к ее целостному охвату. Когда понимающий субъект не может найти подходящего для понимания фрейма в своей памяти, внутри себя, он стремится выйти за свои пределы, осознаваемые границы своего Я. Подобный выход, связанный с экзистенциальным самопониманием, неизбежно влечет такое изменение, саморазвитие самого субъекта, которое по концептуальному содержанию в значительной степени совпадает с феноменом «заботы о себе» [15].

Таким образом, важнейшим психологическим компонентом постижения является холистическое понимание — объединение частей понимаемого события или ситуации в целостную картину. Феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу: постижение своего истинного Я никогда не может без остатка быть сведено к осознаваемому, логически обоснованному знанию. В процессах постижения знание замещается опытом, основанным на интуиции, переживаниях и чувствах.

В-третьих, успешность постижения связана с осознанием человеком того, что он живет в мире, где существует много событий и ситуаций, которые ему никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать. Осознание этого должно сопровождаться установкой, психологической готовностью эффективно действовать в условиях *неопределенности*. Именно поэтому необходимость не в познании, а в постижении обычно возникает в маловероятных ситуациях, которые трудно

прогнозировать. Например, несмотря на знание поговорки «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», обычному человеку очень трудно представить невероятный и потому непостижимый набор обстоятельств, совпадение которых создаст ситуацию, при которой он окажется в тюрьме. Постигать такую действительность можно, только понимая и признавая объективный характер ее неопределенности, препятствующей полному осознанию и объяснению.

Как отмечает Л. И. Анцыферова, которая сама, несомненно, была мудрым человеком, понимание и признание неопределенности человека и мира — один из ключевых признаков мудрости. При этом под неопределенностью она подразумевает относительную индетерминированность и непредсказуемость жизни, порождающей экзистенциальные проблемы, которые не имеют простых однозначных решений и принципиально не могут быть решены лишь на основе имеющихся у субъекта знаний, умений и навыков. Мудрый человек хорошо понимает присущую жизни неопределенность и владеет совокупностью эффективных стратегий управления ею [16]. Результаты психологических исследований [17–19] говорят о том, что постижение — удел не просто умных, а мудрых людей.

Современная психология неопределенности является одним из очень важных ресурсов выявления психологической природы постижения. В этой области психологических исследований процессы принятия субъектом неопределенности многих событий и ситуаций рассматриваются как фокусирующие его активность — от уровня самосознания личности до глубинной мотивации. Процессы принятия неопределенности играют значительную роль в структурировании взаимодействий переменных интеллектуального и личностного потенциала человека. В частности, в трудных жизненных ситуациях в предпочтении человеком тех или иных стилей и стратегий совладания его интеллектуально-личностный потенциал представлен в единстве процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей решения возникающих проблем [20].

В-четвертых, существуют научные основания для утверждения, что в процессах постижения субъектом мира (в частности, себя и других людей) бóльший «удельный вес» имеют не знание, познание и самопознание, а опыт, понимание и *самопонимание*. В процессе самопознания мы получаем новую информацию о себе, новые знания (например, на приеме у психолога человек может узнать, какой у него коэффициент интеллекта), но не наделяем их смыслом и не иерархизируем в соответствии с ценностями. Самопонимание, напротив, не вносит количественных изменений в то, что человек знает о себе, однако изменяет знания на качественном уровне: происходит порождение их смысла, интерпретация, осмысление. Самопонимание возникает в результате ответа самому себе не на констатирующие вопросы (что? как?) — это функция самопознания, а на причинные (зачем? почему? отчего?). Смыслообразование происходит благодаря способности субъекта отвечать на вопросы о причинах и следствиях природных явлений, а также о своих и чужих чувствах, мыслях, поступках.

Без самопонимания постижение невозможно. На это указывает Л. И. Анцыферова, подчеркивая особую роль феномена постижения субъектом своего и чужого внутреннего мира. Именно в постижении, а не в достоверном знании она ищет ключ к решению проблемы мудрости: «Постановка проблемы постижения, интуитивно-го чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира,

переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я» [21, с. 6].

Постижение основано на мотивации преобразования себя, самопонимании субъекта, приводящем к соприкосновению его внутреннего мира с чем-то иным, внешним по отношению к нему. Постижение возникает и развивается вследствие взаимодействия внутриличностной, межличностной и метаперсональной самоинтерпретаций [22]. Постигая что-либо, человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за свои пределы. Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемых событий и ситуаций с личностным знанием, но и включения их в более широкий контекст человеческого бытия. Метаперсональная самоинтерпретация представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Она направлена на выход за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира. Метаперсональный Я-конструкт определяется как такое чувство идентичности, которое простирается дальше индивидуального или межличностного и охватывает более широкие аспекты человечества, жизни, психики или космоса [23]. В процессе метаперсональной самоинтерпретации субъект осознаёт, что человеческую сущность можно постичь, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом — таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта [22].

В-пятых, в каждом человеке есть нечто не выразимое в знании, не поддающееся познанию, а представленное только в жизненном и экзистенциальном *опыте*. Это «нечто» — потаенная основа бытия, его глубинные основания [24–25]. Согласно М. Полани, это скрытая реальность, область неизвестных и непредставимых подлинных сущностей [5]. Неудивительно, что во многих жизненных и экзистенциальных ситуациях неразумно и неправильно надеяться на полное и якобы абсолютно точное понимание фактов, событий, людей. Мудрые люди отличаются от других именно ясным осознанием недостаточности понимания-знания или понимания-интерпретации, они изначально принимают как данность необходимость понимания-постижения партнеров по коммуникации. Мудрец знает, что человек — это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому. И вследствие непостижимости партнеров субъекты общения вынуждены удовлетворяться пониманием-постижением.

Человеческое бытие по объему и содержанию шире познания, поэтому даже о себе современный человек не может знать всего. Самый глубокий мыслитель никогда не сможет понять себя. Это очень точно сформулировал М. Н. Эпштейн, характеризуя Г. В. Иванченко: «Она не знала самой себя, она была много больше того, что понимала о себе; эту аристократическую черту нельзя подделать, — врожденный переизбыток бытия над знанием в существе, которое посвятило жизнь самопознанию себя и человечества» [26]. Мы можем понять таких уникальных людей только по типу понимания-постижения. Это понимание процессуально, динамично и основано не на знании, а на опыте.

В-шестых, постижение неразрывно связано с *обыденным знанием* человека, живущего в современном мире. Любому профессиональному психологу известны результаты изучения Л. С. Выготским житейских и научных понятий. Ребенок,

овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, т. е. отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятийную структуру. Научные понятия, в отличие от житейских, встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, в которой представлено множество понятий разного уровня обобщенности.

Однако неправильно было бы считать житейские понятия только более ранней ступенью онтогенетического развития человека — они играют важную роль во многих ситуациях и обстоятельствах жизни взрослых людей. Сегодня, когда ученые ясно осознали многомерность мира человека и соответственно «многоэтажность психологии» [27], на соотношение житейских и научных понятий необходимо взглянуть с иной точки зрения.

Множественность и неоднородность ситуаций человеческого бытия закономерно порождает вопрос: может быть, неразумно стремиться описывать и объяснять абсолютно все события и ситуации с помощью достоверного научного знания? Необходимость утвердительного ответа очевидна, потому что в психологических исследованиях только небольшую часть суждений мы можем соотнести с критериями истины. В остальных случаях, если стремиться к научной корректности, при интерпретации результатов исследований нужно говорить не об истинности, а о правильности или правдивости суждений о людях, событиях, ситуациях. Решения моральных дилемм, конфликтов, спорных политических вопросов чаще основываются на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, чем на достоверных научных знаниях. Как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта.

Как известно еще со времен работы А. Шюца «Чужак», знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, несвязно, оно обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. Обычно человек довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, но не задается вопросом о том, как работает телефонный аппарат. Он покупает в магазине товар, не зная, как тот изготовлен, и расплачивается деньгами, имея самое смутное представление о том, что такое деньги. А. Шюц пишет: «В повседневной жизни человек лишь частично — и осмелимся даже сказать: избирательно — заинтересован в ясности своего знания, т. е. полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют. <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Всё, что ему нужно, — это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, которые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий» [28, с. 536].

Помимо характеристик, указанных выше, обыденное знание включает *осознание непонимания*, т. е. понимание того, что некоторые виды человеческого опыта

выходят за пределы обыденной реальности, которую нетрудно понять. Показательный пример — воспоминания людей, переживших клиническую смерть [29].

При анализе таких ситуаций человеческого бытия мы вынуждены анализировать феномен *постижения*, основанный на экзистенциальном опыте субъекта. Очевидно, что понимание некоторых событий и ситуаций происходит при опоре не на достоверное знание, допускающее эмпирическую проверку, а на личностное знание. Структура последнего в значительной степени основана на неосознаваемом невербализуемом знании, которое можно только постигать.

Постижение основано на экзистенциальном опыте индивидуального или группового субъекта. Доказательства этого можно найти в психологических исследованиях, например, женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к личному экзистенциальному опыту прежде всего как *гендерному опыту группы*. Как утверждает Ш. Фелман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре [30]. Женщина не может писать собственную историю потому, что она *не знает* ее, так как нельзя «знать» травму: ее можно *только переживать* и понимать по типу понимания постижения. Внутренний приватный мир женского Я сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате *внешняя событийность* якобы очевидных объективных фактов подменяется женской *внутренней аффектированной* автобиографией [31]. Типичным и очень характерным в этом отношении является телеинтервью З. Царнаевой, матери двух братьев, совершивших теракты во время марафона в Бостоне в апреле 2013 г. Уже после обнаружения неопровержимых доказательств того, что взрывы осуществили Тамерлан и Джохар Царнаевы, она сказала: «Я уверена на сто процентов, что их подставили, оба моих сына невиновны». И ее трудно заподозрить во лжи, женщина искренне верила в то, что говорила.

Наконец, *в-седьмых*, некоторые психологи трактуют постижение преимущественно как *интуитивное чувство* [21]. При этом они подчеркивают, что в процессах постижения главное — и для понимающего мир субъекта, и для исследующего его психологию ученого — заключается в определении не истинностных, а аксиологических, ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда не безразлично для человека, оно имеет для него определенную субъективную ценность. И именно в аксиологической направленности постижения проявляется его внутренняя нерасторжимая связь с феноменом созерцания.

Научные представления о сущности созерцания претерпели в XX в. значительные трансформации. Понятие «созерцание» развивалось в нескольких направлениях, соответствующих изменениям научного понимания этого феномена. В первом направлении изучение созерцания шло по линии активности/пассивности, наличия деятельности или ее отсутствия. В рамках второго направления подчеркивается интенциональная природа созерцания как составляющей внутреннего мира субъекта, в котором отражаются также и внешние обстоятельства его жизни. Созерцание есть такое направление актов действия, в соответствии с которым мы можем осуществлять действия в отношении нас самих и других. В третьем направлении

созерцание соотносится с ценностно окрашенным личностным знанием, включающим отношения, переживания и субъективные оценки. Созерцательное обладание реальностью означает знание непостижимого, в созерцании реальность усматривается, открывается субъекту как по существу непостижимое. Наконец, в четвертом направлении суть феномена созерцания сводится такому к ценностному непрагматическому отношению субъекта к объективной действительности, которое позволяет ему не столько успешно познавать мир, сколько определить свое место в жизни.

Итак, постижение является сложным и многокомпонентным психологическим феноменом. Оно реализуется только в сложных для познающего субъекта ситуациях, характеризующихся большой степенью неопределенности. Обычно такие экзистенциальные ситуации не выразимы в знании и, следовательно, не поддаются познанию. Они представлены только в экзистенциальном опыте человека. Постигание является психическим процессом схватывания целого, в котором важную роль играют самопонимание, интуитивное чувство и созерцание понимающего мир субъекта. В жизни любого человека число значимых для него экзистенциальных событий и ситуаций очень велико, и потому психологические исследования феномена постижения, безусловно, нужно продолжать.

Литература

1. Гришина Н. В. Экзистенциальная психология: поиск смысла и самотрансценденция // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 12 / под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 15–28.
2. Гришина Н. В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. 2011. Вып. 4. С. 109–116.
3. Знаков В. В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 2. С. 29–38.
4. Знаков В. В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 2. С. 7–15.
5. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
6. Бескова И. А. Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 163–172.
7. Думинская М. В. Особенности постижения многомерной целостности человеческого бытия // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 [1]. С. 39–45.
8. Тельнова Н. А. Целостность человека в онтолого-антропологическом измерении. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 205 с.
9. Хмелевская С. А., Яблокова Н. И. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2013. № 2. С. 74–78.
10. Богуславская О. Н. Понятный, ясный, доступный, постижимый, внятный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 258–262.
11. Фёдоров А. А. Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 83–93.
12. Знаков В. В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16–29.
13. Никифоров А. Л. Смысл или бессмыслица? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII, № 4. С. 58–62.
14. Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. Vol. 108, N 2. P. 291–310.

15. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
16. Анциферова Л. И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. № 3. С. 17–24.
17. Леонтьев Д. А. Мудрость как интегральная характеристика личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 92–106.
18. Baltes P., Kunzmann U. Wisdom // *The Psychologist*. 2003. Vol. 16, N 3. P. 131–132.
19. Sternberg R. Wisdom, Intelligence and Creativity Synthesized. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 235 p.
20. Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М: Смысл, 2010. 334 с.
21. Анциферова Л. И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 5–14.
22. DeCicco T. L., Stroink M. L. A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self // *International Journal of Transpersonal Studies*. 2007. Vol. 26, iss. 1. P. 82–104.
23. Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L. An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being // *The International Journal of Transpersonal Studies*. 2010. Vol. 29, issue 1, P. 1–11.
24. Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // *Вопросы философии*. 2014. № 10. С. 46–56.
25. Кузьмина Т. А. Экзистенциальная философия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 352 с.
26. Эпштейн М. Н. Галина Владимировна Иванченко, 4 июня 1965 — 4 августа 2009 // Иванченко Г. В. Я не искала образов и слов. Избранные стихотворения. Таганрог: Издатель А. Н. Ступин, 2014. С. 4.
27. Кричевец А. Н. Многоэтажная психология. Эскизный проект. О проблемах и проблемных ситуациях научного познания человека в знаниевом пространстве современности (соображения, обсуждение, предложения) // *Мир психологии*. 2005. № 3. С. 218–233.
28. Шюц А. Чужак. Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
29. Моуди Р. Жизнь после жизни. Свет вдали. Киев: София, 2008. 256 с.
30. Felman S. What does a woman want? Reading and sexual difference. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993. 184 p.
31. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007. 312 с.

References

1. Grishina N.V. Ekzistentsial'naiia psikhologiiia: poisk smysla i samotranssendentsiia [Existential psychology: the search for meaning and self-transcendence]. *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti [Psychological problems of personal self-actualization]*. Vol. 12. Ed. by L. A. Korostyleva. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 2008, pp. 15–28. (In Russian)
2. Grishina N. V. Ekzistentsial'nye problemy cheloveka kak zhiznennyi vyzov [Existential problems of human as a challenge]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 12*, 2011, issue. 4, pp. 109–116. (In Russian)
3. Znakov V. V. Teoreticheskie osnovaniia psikhologii chelovecheskogo bytiia [Theoretical foundations for Psychology of human being]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2013, vol. 34, no. 2, pp. 29–38. (In Russian)
4. Znakov V. V. Ponimanie kak problema psikhologii chelovecheskogo bytiia [Understanding as a problem of psychology of human being] *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti [Psychological problems of personal self-actualization]*, 2000, vol. 21, no. 2, pp. 7–15. (In Russian)
5. Polani M. Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii [Personal knowledge. On the way to the post-critical philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p. (In Russian)
6. Beskova I. A. Estestvennyi intellekt, mezhdistsiplinarnost' i fenomen integral'nogo postizheniia [Natural intelligence, interdisciplinary and phenomenon of integral comprehension]. *Filosofiiia nauki. Vyp. 19. Epistemologiiia v mezhdistsiplinarnykh issledovaniakh [Philosophy of Science. Issue 19. Epistemology of interdisciplinary studies]*. Moscow, IF RAN, 2014, pp. 163–172. (In Russian)

7. Duminskaia M. V. Osobennosti postizheniia mnogomernoi tselostnosti chelovecheskogo bytiia [Features of understanding of the multidimensional integrity human being]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Buryat State University], 2014, no. 6 [1], pp. 39–45. (In Russian)
8. Tel'nova N. A. Tselostnost' cheloveka v ontologo-antropologicheskom izmerenii [The integrity of the person in the ontology-anthropological dimension]. Saratov, Publishing house of Saratov. Univ., 2002. 205 p. (In Russian)
9. Khmelevskaia S. A., Iablokova N. I. Sistema form postizheniia bytiia v kontekste sovremennoi kul'tury [System of the forms of being comprehension in the context of the modern culture]. *Vestnik MGOU* [Vestnik MGOU]. Series «Philosophical Sciences», 2013, no. 2, pp. 74–78. (In Russian)
10. Boguslavskaja O. N. Poniatnyi, iasnyi, dostupnyi, postizhimyi, vniatnyi [Understandable, clear, accessible, comprehensible, intelligible]. *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of Russian language]. The first issue. Ed. by Yu. Apresjan. Moscow, School «Languages of Russian Culture», 1997, pp. 258–262. (In Russian)
11. Fiodorov A. A. Ulovki intellektual'noi ekvilibristiki [Tricks of intellectual speculations]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2014, no. 4, pp. 83–93. (In Russian)
12. Znakov V. V. Teoreticheskie osnovaniia psikhologii ponimaniia mnogomernogo mira cheloveka [Theoretical foundations of psychology of understanding of a multidimensional world]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2014, no. 4, pp. 16–29. (In Russian)
13. Nikiforov A. L. Smysl ili bessmyslitsa? [Sense or nonsense?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2009, vol. XXII, no. 4, pp. 58–62. (In Russian)
14. Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychol. Rev.*, 2001, vol. 108, no. 2, pp. 291–310.
15. Fuko M. Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [The hermeneutics of the subject: The course of lectures at the Collège de France in the 1981–1982 school year]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 677 p. (In Russian)
16. Antsyferova L. I. Mudrost' i ee proiavleniia v raznye periody zhizni cheloveka [Wisdom and its manifestations in different periods of human life]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2004, no. 3, pp. 17–24. (In Russian)
17. Leont'ev D. A. Mudrost' kak integral'naia kharakteristika lichnostnogo potentsiala [Wisdom as the integrated characteristic personality's potential]. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Ed. by D. A. Leontiev. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 92–106. (In Russian)
18. Baltés P., Kunzmann U. Wisdom. *The Psychologist*, 2003, vol. 16, no. 3, pp. 131–132.
19. Sternberg R. *Wisdom, Intelligence and Creativity Synthesized*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 235 p.
20. Kornilova T. V., Chumakova M. A., Kornilov S. A., Novikova M. A. *Psikhologiya neopredelenosti: Edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of Uncertainty: The unity of the intellectual and personal potential of man]. Moscow, Smysl Publ., 2010. 334 p. (In Russian)
21. Antsyferova L. I. Gumanisticheski-ekzistentsial'nyi podkhod k mudrosti: sposoby postizheniia istinnogo Ia i prizvaniia cheloveka [Humanistic-existential approach to wisdom: the ways of comprehension of true I and vocation of man]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2005, no. 3, pp. 5–14. (In Russian)
22. DeCicco T. L., Stroink M. L. A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self. *International Journal of Transpersonal Studies*, 2007, vol. 26, Issue 1, pp. 82–104.
23. Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L. An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being. *The International Journal of Transpersonal Studies*, 2010, vol. 29, issue 1, pp. 1–11.
24. Kasavina N. A. Ekzistentsial'nyi opyt kak fenomen kul'tury [Existential experience as a phenomenon of culture]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2014, no. 10, pp. 46–56. (In Russian)
25. Kuz'mina T. A. *Ekzistentsial'naia filosofiya* [Existential philosophy]. Moscow, «Canon +» ROOI «rehabilitation», 2014. 352 p. (In Russian)
26. Epshtein M. N. Galina Vladimirovna Ivanchenko, 4 iyunia 1965 — 4 avgusta 2009 [Galina Vladimirovna Ivanchenko. June 4, 1965 — August 4, 2009]. *Ivanchenko G. V. Ia ne iskala obrazov i slov. Izbrannye stikhotvoreniia* [Ivanchenko G. V. I was not looking for images and words. Selected Poems]. Taganrog, AN Publisher Stupin, 2014, p. 4. (In Russian)
27. Krichevits A. N. Mnogoetazhnaia psikhologiya. Eskiznyi proekt. O problemakh i problemnykh situatsiiakh nauchnogo poznaniia cheloveka v znanievom prostranstve sovremenosti (soobrazheniia, obsuzhdenie, predlozheniia) [Multilevel psychology. Preliminary design. The problems and problem

situations of scientific comprehension of human in the knowledge-space of contemporaneity (views, discussion, proposals)]. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2005, no. 3, pp. 218–233. (In Russian)

28. Shiuts A. Chuzhak. Sotsial'no-psikhologicheskii ocherk [Chuzhak. Socio-psychological essay]. *Shiuts A. Izbrannoe: Mir, svetiashchiisia smyslom* [A. Schutz. Favorites: Peace, glowing sense]. Moscow, ROSSPEN, 2004, pp. 533–549. (In Russian)

29. Moudi R. *Zhizn' posle zhizni. Svet vdali* [Life After Life. The light in the distance]. Kiev, Sofia Publ., 2008. 256 s. (In Russian)

30. Felman S. *What does a woman want? Reading and sexual difference*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 1993. 184 p.

31. Zherebkina I. *Sub"ektivnost' i gender: gendernaia teoriia sub"ekta v sovremennoi filosofskoi antropologii* [Subjectivity and Gender: the subject of gender theory in contemporary philosophical anthropology]. St. Petersburg, Aletheia, 2007. 312 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2015 г.